

БИЛЕТ В ПЕРВЫЙ РЯД

Все детали дома — в том числе узорчатые двери — сделаны по эскизам самого Сержа Лютанса.

Директор европейского подразделения и заместитель главы Аукционного дома Phillips Светлана Марич пригласила нас в свою квартиру в историческом центре Лондона и убедила, что успех в современном искусстве невозможен без искренней любви к прошлому.

ФОТО ДМИТРИЙ ЛАРИН,
PATRICE NAGEL
© FONDATION SERGE LUTENS

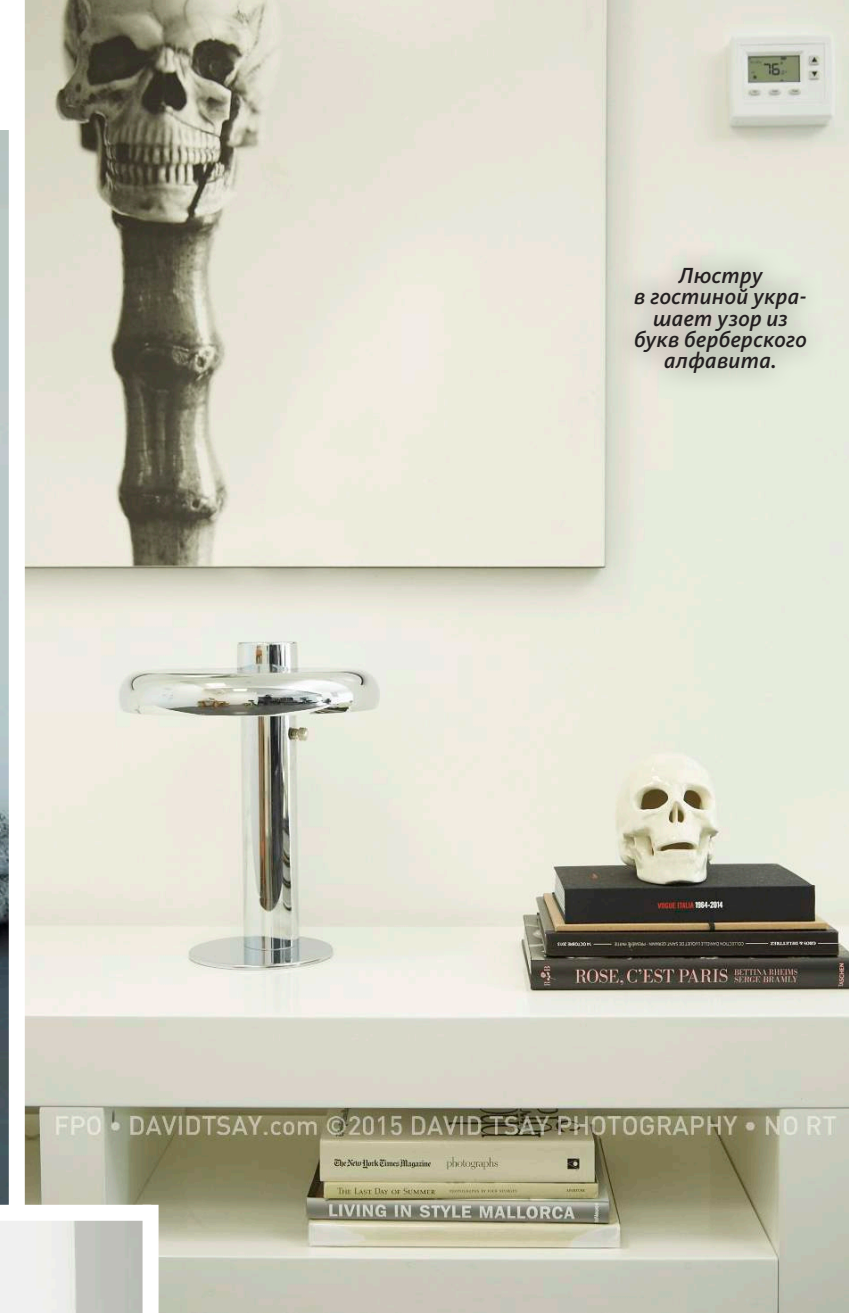

AVIDTSAY.com ©2015 DAVID TSAY PHOTOGRAPHY • NO RT

T

Окна в доме есть только в чайной комнате — да и то забранные цветными витражами. «По утрам они дают очень много света», — уверяет хозяин.

Люстру в гостиной украшает узор из букв берберского алфавита.

Такси петляет по узким улочкам Марракеша. Мы продвигаемся в самое сердце медины — старого города, полного торговцев апельсинами, цветными коврами и потертыми лампами. Возвращающиеся из школы дети в белых халатиках — местной форме — жмутся к выкрашенным теплой красноватой охрой домам и хохочут в открытые окна. И вот наконец машина оказывается перед огромными черными воротами в безликой стене.

Меня уже встречают — перед входом добродушно улыбается Рашид, бессменный домоправитель легендарного парфюмера Сержа Лютанса. Переступив порог, оказываюсь после спящего и теплого зимнего солнца в прохладной, темной и лишенной уличного шума комнате. Лишь журчит фонтан, и воздух прорезает пробивающаяся сквозь приоткрытую дверь яркая полоска света с кружащимися в нем пылинками. «Мсье скоро придет, а пока я проведу вам экскурсию», — говорит Рашид. Покорно следую за ним.

Длинные темные галереи с резными светильниками и орнаментом на стенах сменяют друг друга, и я уже не представляю, где затерялась. Вот мрачная столовая с черной мебелью — спинки стульев высотой с меня. Аскетичная спальня с узкой кроватью и развешанными по стенам украшениями и свадебными по-

ясами берберских женщин. Хаммам с выпуклым потолком, напоминающим свод пещеры со сталактитами. И богатейшая библиотека, где среди бесконечных рядов книг об истории Марокко, эфирных маслах и травах я замечаю полное собрание сочинений Льва Толстого. Ни одного окна. «Все, что вы видите, придумано и нарисовано мсье Лютансом, — с нескрываемой гордостью говорит домоправитель. — Да, все: от напольной плитки до узоров на обивке диванов».

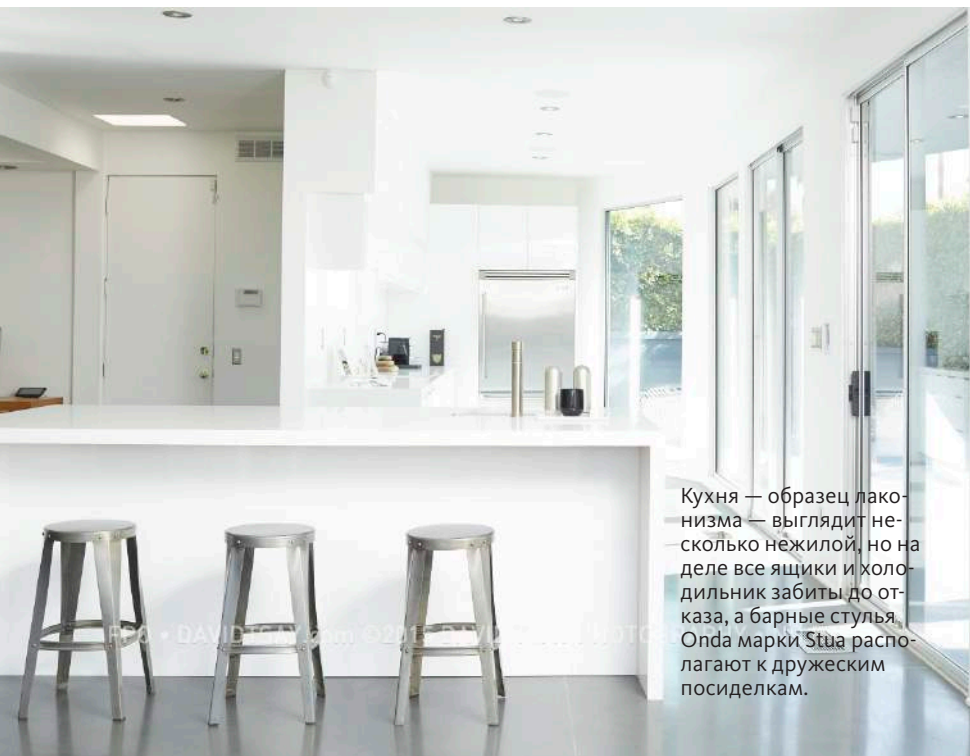
В этих стенах практически нет ярких красок, традиционных для жилого убранства марокканских домов — снаружи неприметных, роскошных внутри. Лишь приглушенные, словно сепией, черные, коричневые, бежевые тона с всполохами красных ковров и буйной зелени в двух внутренних двориках.

Оказываюсь в сумрачной гостиной. Разглядываю закрепленные на стенах берберские артефакты и картины, расставленные на журнальных столиках антикварные маски, флакончики, статуэтки и загадочные древние вещицы. Наконец появляется хозяин — в отутюженном костюме, в очках и с элегантной тростью. Увидев, что я осматриваю безделушки, замечает: «Эти объекты копились в течение многих лет, но большая часть из них исчезла в буре ремонта: тут все было перевернуто вверх

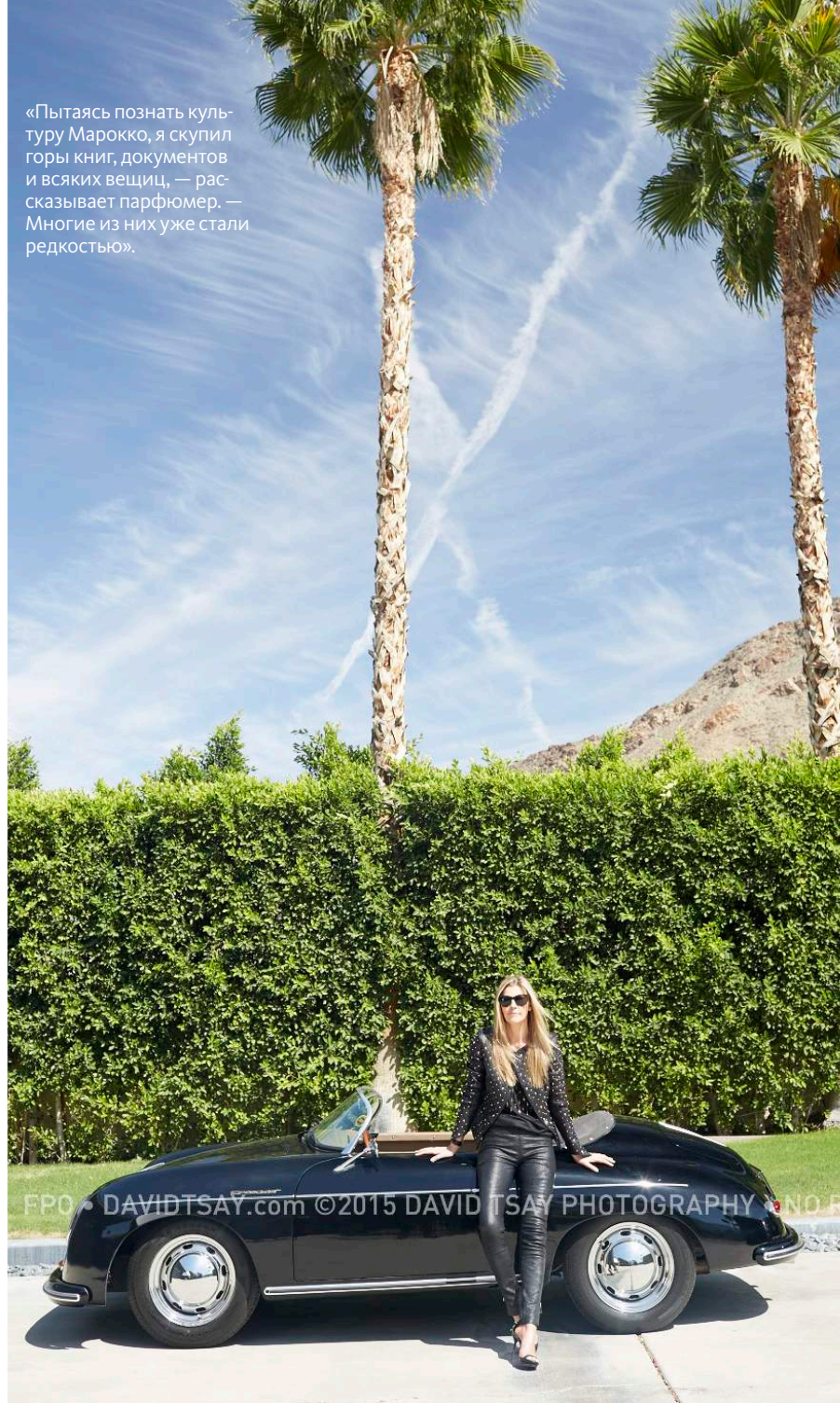

Стены гостиной увешаны картинами — французских художников середины прошлого века, таких как Поль Жув и Андре Маргат, и неизвестных авторов. Еще в этой комнате можно увидеть разные редкости, найденные Лютансом на марокканских рынках и в антикварных лавках. «Раньше, когда Марракеш был малень-

ким городом, а не туристическим центром, здесь попадались прекрасные артефакты прошлого: камни с выписками из Корана, кухонная утварь, предметы быта, статуэтки из полудрагоценных камней, — с ностальгией вспоминает парфюмер. — Сейчас практически все исчезло, но я продолжаю поиски».

Кухня — образец лаконизма — выглядит несколько нежилой, но на деле все ящики и холодильник забиты до отказа, а барные стулья Onda марки Stua располагают к дружеским посиделкам.

«Пытаясь познать культуру Марокко, я скупил горы книг, документов и всяких вещиц, — рассказывает парфюмер. — Многие из них уже стали редкостью».

дном!» Лютанс берет в руки антикварную ажурную ложечку для сорбета: «Прошлое для меня — неисчерпаемый источник размышлений. Представляете, какой-то мастер потратил несколько недель, — а может, и месяцев — на создание этой вещицы! Поразительно! Раньше время нужно было как-то потратить, теперь же мы все так спешим...»

Что-то, но ремонт этого дома спешкой назвать никак нельзя, ведь он продолжается уже несколько десятилетий. «Если бы кто-то сказал мне, что я потрачу на него целое состояние и что более пятисот человек будут трудиться над реставрацией, я бы рассмеялся ему в лицо, — признается Лютанс. — Но работа идет уже сорок лет, и ей нет конца. Приезжайте через десять лет, и вы убедитесь в этом!»

Как же живет парфюмеру в этом мрачном замке? «Я не живу здесь. Этот дом слишком идеален для меня, — с улыбкой огоршивает меня Лютанс. — Мой настоящий дом тоже в Марракеше, но это скромных размеров комнатка с маленьким шкафом, крошечной ванной и большим садом. И там жуткий беспорядок!» Но что же побудило его купить этот роскошный риад в Марокко? Почему не особняк в Париже — или Лилле, откуда он родом?

Лютанс погружается в воспоминания и начинает рассказывать так, будто все это было вчера. «В 1968 году я подписал контракт с Dior. У меня было много денег, которые хотелось немедленно потратить, и я поехал на юг, в Марсель. Во время прогулки в порту мне стало скучно, и я заговорил с моряком, облокотившимся на парапет. Оказалось, его корабль уходил в Марокко, и я, недолго

думая, купил билет. Была середина февраля, в Касабланке, куда мы причалили, шел непрерывный дождь, и я устремился еще южнее — к Марракешу. На подступах к городу, в сиреневых горах Джебель, облака расступились, и я увидел невероятный свет, прозрачный воздух и Атласский хребет, покрытый снегом. Видимость была, если позволите так сказать, звуковой — казалось, горы бьются, как сердце. В самом Марракеше светило солнце и стоял невероятный запах: женщины били палками по апельсиновым деревьям, и цветы падали прямо на расстеленные под ними простыни. В тот момент я понял, что буду здесь жить». ■

Аскетизм спальни Лютанса (в которой он ни разу не спал) разбавлен множеством берберских украшений: бусы, кинжалы и свадебные пояса собирались годами.

Стены гостиной увешаны картинами — французских художников середины прошлого века, таких как Поль Жув и Андре Маргат, и безвестных авторов. Еще в этой комнате можно увидеть разные редкости, найденные Лютансом на марокканских рынках и в антикварных лавках. «Раньше, когда Марракеш был маленьким городом,

а не туристическим центром, здесь попадались прекрасные артефакты прошлого: камешки с выписками из Корана, кухонная утварь, предметы быта, статуэтки из полудрагоценных камней, — с ностальгией вспоминает парфюмер. — Сейчас практически все исчезло, но я продолжаю поиски».

Люстру в гостиной украшает узор из букв берберского алфавита.